

IV. PHILOLOGICAL SCIENCES

DOI 10.26886/2520-7474.4(36)2019.6

UDC 811.16-112

MISCELLANEA ETYMOLOGICA: SLAVICA

A. I. Iliadi, Doctor of Philological Sciences

Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University,
Ukraine, Kropyvnycki

*The paper deals with the etymological interpretation of Slavonic dialectal words, which earlier did not become visible to other researchers or were not given a satisfactory explain in special literature. Observation about the structure of mentioned words has enabled the author to make the conclusion about most of them are either Proto-Slavic archaisms (*čapelъ, *čьpa, *glyxota, *хьlporъ, *къmopęть, *molsnęti, *žaxnęti), either derivatives produced with the old word formation patterns, which have kept their relevance in Slavic dialects (вичекѡвзнути, чикѡлѡуха, чулѡндѡ). The author has been able to distinguish Slavic relict words alongside with a few ancient borrowings from the Iranian and Turkic languages, integrated into Slavic vocabulary at different times (иран. *gātra-/ *gāθra-, *kandī-gunyā (*kandi-γunyā), тюрк. sagsagan). The rest words, reviewed in the investigation, reflect either a process of word phonetic change, which has advanced so far in dialects, either processes of dialectal word formation with profoundly individual areal characteristics (all of them are detally described at each individual case).*

Key words: etymology, word formation, derivative, semantics, formant.

доктор филологических наук, Илиади А. И. Miscellanea etymologica: Slavica / Центральноукраинский государственный

педагогический университет имени Владимира Винниченко, Украина, Кропивницкий.

*В статье предложена этимологическая интерпретация группы славянских диалектных слов, которые ранее либо не попадали в поле зрения исследователей, либо не получили удовлетворительного истолкования в профильной литературе. Наблюдения за структурой указанных лексем позволило автору прийти к выводу о том, что большинство из них являются либо архаизмами праславянской эпохи (*šapelŭ, *šьlpa, *glyxota, *хьlрогъ, *къmорѣтъ, *molsnŏti, *žaxnŏti), либо дериватами, образованными по древним словообразовательным моделям, сохранившим актуальность в славянских диалектах (вичекѡвзнути, чикѡлѡдѡха, чулѡндѡ). Помимо исконной реликтовой лексики, автор смог выделить несколько древних заимствований из иранских и тюркских языков, интегрированных в славянский словарь в разное время (иран. *gātra-/ *gāθra-, *kandī-guṇyā (*kandī-γuṇyā), тюрк. sagsagan). Остальная лексика, ставшая объектом исследования, отражает либо далеко зашедший процесс фонетического изменения уже известных слов в диалектах, либо процессы позднего диалектного словотворчества с глубоко индивидуальными ареальными особенностями (специально характеризуются в каждом случае).*

Ключевые слова: этимология, словообразование, дериват, семантика, формант.

Вступительные замечания. Лексика славянских языков – объект, который в процессе его этимологического изучения часто демонстрирует исследователям, что наметившиеся горизонты в накоплении и толковании материала оказываются обманчивыми, а,

казалось бы, твердо сложившиеся представления о связях базового вокабулярия разрушаются пропорционально появлению новых лексикографических или фольклорных источников. Мы не имеем в виду обычную исследовательскую ситуацию, когда новые данные просто пополняют уже известные этимологические гнезда. Нет, речь идет о ранее не известных фактах, вскрывающих древние изоглоссные связи слов, до этого считавшихся изолированными в рамках одного языка, или о примерах, доказывающих фонетическое расхождение однокоренных форм и превращение их в несвязанные между собой образования. Точно так же изменяются воззрения на достаточно архаичные заимствования, которые традиционно воспринимаются единичными, культурно малозначимыми, но введение в оборот нового материала выявляет целый хронологический слой иноязычной лексики со значительным удельным весом обозначаемых ими реалий – факт, существенный для определения удельного веса самих языковых контактов в культурной жизни славян определенной эпохи. Такое изменение исследовательской картины мира в славистике наблюдается в последние два десятилетия. Вопреки тому, что лексика практически всех славянских языков, кроме македонского, уже фронтально обследована, а результаты её этимологизации отражены во многотомных этимологических словарях и монографических студиях, поток материала из новых лексикографических источников показал недостаточность и неполноту ряда существующих этимологических справочников. Это значит, что их переизданию должна предшествовать серьезная подготовительная работа по учету новой лексики.

В особенном внимании нуждается включенная в этимологические словари недавно открытая лексика, не получившая надлежащего

толкования или вообще оставленная без такового, из-за чего процент словарных статей с пометами «неясное» в некоторых современных этимологических справочниках оказывается значительным, существенно снижая их информативность. Предлагаемая в статье «этимологическая смесь» содержит объяснение как интересных лексем разной степени значимости, отсутствующих в «Этимологическом словаре украинского языка», так и тех слов, которые, будучи включенными в ЕСУМ, либо отнесены в разряд неясных, либо неверно истолкованы.

Анализ материала.

1. Диал. *gátra* ‘новость, известие’ в этимологическом словаре украинского языка рассматривается как древнее заимствование из иранских языков, родственное *vátra* ‘огонь’. Допускается, что существующее значение могло возникнуть через промежуточное ‘(сигнальный) огонь; известие, переданное им’ [4 (1, с. 481)]. При таком подходе к этимологии *gátra* остается неясной причина разницы в анлауте *g-* : *v-*, что не позволяет нам безоговорочно принять это толкование. Более правдоподобной была бы трактовка украинского диалектизма как отражающего иранскую форму типа **gātra-/gāθra-*, т. е. дериват с суфф. *-tra-/θra-* от глагола **gā-* ‘идти, ступать, шагать’, ср. оформление им прилагательных причастного типа (ср. авест. *vazdra-* ‘требующий’) и абстрактных существительных (ср. иран. **dā-* ‘давать, дарить’ > **dātra-*, авест. *dāθra-* ‘жалованье, награда’ [14 (2, с. 433, 437)]; подробнее о **-ra-*, **-tra-* см. [3, с. 241, 242]). Таким образом, иран. **gātra-/gāθra-* *‘приходящее’ (архаичная форма с ещё не проведённой метатезой *tr/θr > rt*). Семантика ‘новость, известие’ – результат развития слова внутри иранской лексико-семантической системы, ср. модель изменения семантики ‘ход’ → ‘сообщение, весть’ в **pati-gāman-*, ср.-перс. *paugām*

‘сообщение, послание’, парф. *padgām* ‘весть, известие’ и др. лексемах, образованных в гнезде иран. **gā-* ‘идти’ [14 (3, с. 267, 268, 269)], букв. ‘приходящее’, ‘то, что приходит’. Ср. случаи с рус. (благая, страшная) *весть пришла*, укр. *надійшла* (сумна, радісна) *звістка* ‘то же’, слвн. *novica je prišla* ‘стала известна новость’ и др. примерами, показывающими, что в славянском *весть* и *новость* также «приходят», хотя это не отменяет оригинальности семантического сдвига в иранском заимствовании.

2. Диал. *глыхота*. В тексте заговора (молитвы) от «трясовици» (запись 1843 г.) имя двенадцатой дочери Царя Ирода, которая, вместе с другими дочерьми, встретила Святому Пахнутию (Пафнутию). На вопрос святого «Куда идете?» они ответствовали: «*Мы идем людей мучить, сушить, знобить, рожжигать, именем звать нас: перва огненная, друга то же, третья легчає, четверта гнутная, пята ломотная, шеста жовтая, седмая скорпия, осьмая сухая, девята знобая, десята сыняя, одинадесята пухлая, дванадцятая глыхота и дневная, сестра их старейшая, моторнейшая и проклятейшая*» [5, с. 11]. Судя по лексическому окружению, речь идет об одной из болезней в сонме остальных недугов и хворей, посланных извести род человеческий. Вряд ли это диалектная перегласовка из *глухота*: допустить такую мысль мешает как отсутствие надежных примеров фонетического перебора *у > ы* в речи славянского населения Причерноморья, где была записана молитва, так и сомнительность самой возможности такой мены в слове, чей облик многократно повторен в системе однокоренных слов (изменение одного элемента потребовало бы его отрыва от системы или же изменения вокализма во всем наборе форм). Речь скорее идет о диалектном архаизме с исконным псл. *у < и.-е. ū*, т. е. **glyx-ota*, параллельном более распространенному **glux-ota*. Поскольку основы

псл. **gluxъ*, **glъxnqti* – результат экспрессивного преобразования первоначального и.-е. **k'lous-*, **k'lus-*, **k'lūs-* (псл. **sluxъ*, **slyšati*; см. [19 (6, с. 146–147)] со ссылкой на гипотезу В. Махека), для основы **glyx-* может быть предложено удовлетворительное объяснение как трансформация варианта и.-е. этимона **k'lūs-* внутри семантической микросистемы **k'lūs-* как **slyšati* ‘слышать’ и как **glyx-* ‘глохнуть’.

3. Диал. зап. *вичекóвзнути* ‘споткнуться’, ‘сойти с рельсов’ в ЕСУМ правильно сориентировано на *кóвзáти(ся)*, *поковзnúтися*, однако возражения вызывает предложенная здесь интерпретация сегмента *че-* как напоминающего редупликацию при образовании глагольных форм с усилительным значением [4 (1, с. 387)]. В действительности же перед нами пример образования глагола по регулярной в диалектах модели с местоименной приставкой **че-*. Богатый иллюстративный материал, свидетельствующий о её распространении внутри украинского ареала, собран в шестом томе ЕСУМ (правда, *че-* тут не всегда выделяется), ср., в частности: *че-берчáти* ‘звякать, бряцать’ ~ *бурчáти*; *че-мёрснути* ‘черкнуть’, ‘резнуть’, ‘ударить’ < **че-мóрснути* (ср. *мóрскати* ‘сильно, с размаху бить’ и пол. стар. *merskać* ‘хлестать, сильно бить’ [4 (3, с. 517)]), которое едва ли верно толковать как контаминацию *чёркáти* и *мóрснути*; *че-пóвзати* ‘повзати’; *че-тирхáтий* ‘жесткий, шероховатый’ < *тирхáтий* [4 (6, с. 289, 294, 314)] и др. примеры с вариантами префикса *че-*, т. е. *ча-* : *чи-*.

4. Диал. *відзігóрний* ‘кокетливый’, *видзігóрний* ‘острый на язык’, *фіцігóрний* ‘кокетливый, льстивый’ в ЕСУМ признается неясным [4 (1, с. 392)]. Фонетическая вариабельность известных форм выдаёт в них экспрессивное образование, имеющее те же морфологические и акцентологические признаки, что и укр. *мотóрний* ‘понятливый, сметливый’, ‘ловкий, бойкий, резвый’. И как *мотóрний* соотносится с

мотáти, метати [19 (20, с. 53); 4 (3, с. 523)], так *видзі́бний* соотносится с *видзі́катися, видзі́гатися* (известно, напр., в говорах Нижнего Поднепровья; запись Т. В. Громко) – префиксальными формами к звукоподражательному *дзі́гати(ся)* ‘вертеться’ (приведено по: [4 (2, с. 58)]). Вне всяких сомнений, диал. *видзі́бний* (и варианты) – поздний дериват, образованный по аналогии с архаичным, имеющим широкую географию, *мотóрний*, связь которого с *мотáти* была еще актуальна. Адъектив *мотóрний* послужил образцом клиширования структуры потому, что вместе с *мотáти* он принадлежит к тому же семантическому полю, что и рассмотренная лексика. Семантическая производность ‘вертеться’ → ‘верткий’, ‘бойкий’, ‘острый на язык’, ‘льстивый’, ‘кокетливый’ прозрачна и не нуждается в специальном обосновании, ср. хотя бы *вертіти* > диал. *верту́н* ‘бойкий человек’, ‘франт’, *верту́нка* ‘кокетка’ и пр. [4 (1, с. 359)].

5. Диал. *жахáти* ‘вырываться, вспыхивать’, *жахáть* ‘(о молнии) сверкать без грома’, *жахну́ти* ‘кинуться’, *жа́хнути* ‘ударить’, *жахті́ти* ‘пылать’, *жéкнути* ‘стремительно кинуться на кого-то’ и рус. *жа́хнуть* ‘ударить’ в ЕСУМ признаются неясными. Допускается аффективное образование этой группы форм на почве русского и украинского языков и возможность сопоставления с болг. диал. *жа́скъм* ‘швыряю; резко дергаю’ [4 (2, с. 189)]. Думаем, что вост.-слав. и болг. формы восходят к разновидностям общей для них праславянской основы **žax-* : **žask-*, которые в свою очередь продолжают более древнюю вариантность структуры **žaks-* : **žask-*. Таким образом, это еще одна иллюстрация сосуществования этимологически и морфологически тождественных праславянских лексем, разница между которыми заключается лишь в последовательности звуков одного кластера *ks*

(> x) : sk (> sk). Древняя метатеза первоначального sk > ks в экспрессивных и звукоподражательных словах?

6. Диал. н.-поднепр. *кúрик* 'низкорослый мужчина или мальчик' [17 (2, с. 166)], полт. *кúрик* 'человек маленького роста'. В ЕСУМ: «неясное; возможно, связано с диал. *кúдик* 'маленький человек'» [4 (2, с. 436)], что сомнительно. Определённо, это случай из частой в диалектной среде «практики» употребления собственных имен как нарицательных с оценочной семантикой. В *кúрик* представлена деонимизация крестного личного имени *Кúрик* (гр. Κήρικος) (по иронии ситуации статья, посвященная ему, приводится сразу после *кúрик*, но связь между ними не устанавливается), как в примерах: н.-поднепр. *альóша* 'олух, дурак' [17 (1, с. 50)] из местного разговорного варианта календарного *Олексій* (возможно, русского); *ненúла* 'высокий неповоротливый человек' [17 (2, с. 364)] ~ рус. *ненúла* 'неопрятная женщина' < *Ненúла, Неонúла* ([4 (4, с. 71)]: со ссылкой на В. А. Меркулову); *хомá, хóмка* 'глуповатый, мужчина (мальчик), простачек' [17 (4, с. 197)] < *Хомá, Хóмка*; *хаврóня, хíвря* 'простушка' [17 (4, с. 186, 195)], восходящие к русской и украинской сокращенным формам крестного *Феврóния*, укр. *Феврóня, Феврóня*. Другие примеры см.: [10, с. 30–31].

7. Диал. одесск. *кундугúня* 'короткое теплое женское пальто', *курдугúнька* 'полушубок, пальто', черк. *хандагúнька* 'накидка с капюшоном'. В ЕСУМ: «Не совсем ясное; очевидно, связано с *гúня, гúнька* 'верхняя суконная одежда'» [4 (3, с. 142)]. Столь широкий спектр вариативности структуры слова указывает на далеко зашедший процесс его переосмысления. Подозреваем, что подобие второй части укр. *гúня*, слав. **gип'а* 'плотная верхняя одежда из шерстяной ткани' имеет характер их вторичного сближения с иноязычной лексемой, где во второй части представлено слово,

этимологически идентичное слав. **gun'a*, что облегчило интегрирование чужеродного элемента в лексико-семантическую систему славянских языков. Думаем, что речь идет об алан. **kandī-gunūā* (**kandi-γunūā*) из более раннего **kantī-gaun-*, **kanti-gaun-* 'женская одежда' с диалектной трактовкой суфф. *-tī-* > *-dī-*, отличной от осетинского. Ср. алан. *квтџ* 'женщина' = *kinз-* из **kantī-*, осет. *кунз*, *kinзæ* 'невестка', 'невеста', 'кукла' наряду с пам. *könd*, вах. *kənd* 'женщина', 'жена' (< **kant(i)-*) [1 (1, с. 607–608); 14 (4, с. 222)]. Хотя продолжения иран. **gauna-* преимущественно имеют значения 'волосы; шерсть', 'масть; цвет', 'вид', есть следы употребления его как 'верхняя одежда', 'шуба', ср. персидское заимствование в греческом *γαυνακῆς* 'персидская шуба' [1 (2, с. 327)]. Ввиду наличия *an* в первой части заимствование имело место в сравнительно поздний период, когда сочетания этого типа в восточнославянском уже не превращались в носовой гласный, а затем в *у*.

8. Диал. н.-поднепр. *курнапѣт* 'курносий' [17 (2, с. 223)]. В ЕСУМ квалифицировано как аффективное образование от диал. *курняний*, *курно́сий* [4 (3, с. 156)], чего явно недостаточно для более определенной трактовки структуры лексемы и характера деривации. А между прочим, *курнапѣт* воспроизводит праславянский композит **кърнорѣтъ* (нам уже приходилось говорить об этом, см.: [6, с. 191–192]), стоящий в одном ряду с такими сложениями, как **кърнодиръжь*, **кърногѡзъжь*, **кърнохвостъжь*, **кърноносъ(жь)*, **кърноралъжь* и др. (см.: [19 (13, с. 231–235)]). Вторая часть **рѣтъ* соотносительна с **рѣта* 'пята, пятка' с диал. *е* на месте этимологического **ѣ*, как в аналогичном по структуре н.-поднепр. *глушпѣт*, *глушпѣта* 'глухой человек' < **глух(о)п'ят(а)*, ср. рус. диал. *глухоп'ятый* 'глухой' и др. (подробнее см.: [8, с. 37–38]). Интересный в плане семантики случай

переосмысления 'кривопятый (= колченогий)' → 'курносый', как и 'глухопятый' → 'глухой'.

9. Диал. *саксагáн* 'конец', 'смерть' («Там йому саксагáн») отмечено только в одной пословице из материалов М. Номиса [12, с. 276] и до сих пор не имеет научного объяснения, оставаясь «неясным» (так см.: [4 (5, с. 166)]). Что касается географии лексемы, то Б. Д. Гринченко в своём словаре снабжает *саксагáн* пометой «Борз. у.», указывающей на его употребление в Борзненском уезде Черниговской губернии. Насколько нам известно, современная диалектная лексикография, как, впрочем, и данные исторической лексикологии, не подтверждают функционирование слова где-либо ещё, потому есть уверенность, что *саксагáн* – исторический локализм. По формальным признакам слово вполне сопоставимо с такой тюркской лексикой, как тур. (осм., чаг.) *saksağan*, аз. *саҫаған*, уйг. *сеҫизған* и пр. со значением 'сорока' [20, с. 177, 179], но трудности представляет их семантика, прямо не совместимая с 'конец' и 'смерть'. Попытка осмыслить связь 'сорока' и 'смерть' в рамках известных мифологических представлений о смерти, постигающей кого-то из домочадцев, если в окно залетит птица, имеет слабые позиции в плане самих реалий: ведь у славян это поверье распространено далеко не повсеместно, и неизвестно, бытовал ли подобный предрассудок у жителей Борзненского уезда. К тому же в таком случае остаётся без ответа важный лингвистический вопрос: почему для табуистического маркирования смерти был использован иноязычный, а не славянский орнитоним?

Однако обращение к материалу тюркских языков как возможному источнику *саксагáн* все-таки не бесполезно, т. к. его ресурс еще не исчерпан, а именно: мы считаем перспективным сравнение *саксагáн* с квазиомонимичными тюрк. *sagsagan* 'змея' [20, с. 177, 179], тур.

sazyan ‘дракон’ [16, с. 217], хазар. *sazayan* ‘змея, дракон’ [18, с. 27]. Формальная сторона сравнения не встречает препятствий, как не встречает и смысловая, т. к. семантика ‘смерть’ развивается из ‘змея, дракон’ в случаях персонификации змеи/дракона как олицетворения смерти (‘змея’ = ‘убивающая, смертоносная’). Из примеров, подтверждающих связь обоих значений в однокоренных формах, приведем иран. **māra*- ‘змея’ (ср.-перс., кл. перс. *mār*, тадж. *mor* и др.) < **mār*- ‘убивать’ в гнезде **mar*- ‘умирать’ [14 (5, с. 218)].

Заимствование может иметь значительный возраст и принадлежать к хазарскому вкладу в восточнославянский вокабуляр.

10. Диал. *хмалáстати* ‘бить, сечь, стегать’. В ЕСУМ определено как экспрессивное образование на основе *хльóстати*, *мамля́ти* и под. [4 (6, с. 187)], с чем мы вынуждены не согласиться. Дело в том, что, помимо формальных трудностей, с которыми сталкивается предложенное толкование, сложно представить резон контаминации двух лексем, обозначающих резкое и медленное действие (‘*бить*, делать *резкое хлёсткое* движение’ VS ‘*вяло* работать, *медленно* идти’, ‘*медленно*, неохото есть’, ‘невыразительно, *вяло* говорить’), если новообразованное слово все равно семантически равняется только одному из актантов контаминации – *хльóстати*.

Определённо, упомянутый глагол принадлежит к тому же этимологическому гнезду, что и рассмотренные в третьем томе диал. зап. *молосувáти* ‘бить, лупить; жестоко обращаться’, *молóснути* ‘треснуть, ударить’ с этимоном **mols*- ‘кидать, разбивать’ [4 (3, с. 504)], воспроизводя, по сути, архаизм праславянской древности **molsnǫti*. Фонетическое оформление *хмалáстати* не препятствует его отождествлению с другими единицами гнезда основы **mols*-: история слов со структурой *tolť* в восточнославянском диалектном

ареале показывает наряду с полногласием *tolot* более продвинутое состояние – *talat*, ср. укр. *палáхнути* ‘вспыхнуть’ и *полохтіти* ‘вспыхнуть’ < **polx-* и др. [7, с. 74] с теми же акцентными характеристиками. Далее, начальный спирант *x-* в *хмалáстати* при его отсутствии в *молосувáти* – это экспрессивная протеза, которая спорадически появляется не только у экспрессивных глаголов, но также у глаголов с семантикой быстрого, реактивного движения, ср. подобные случаи с некоторыми болгарскими рефлексам псл. **vergti*, **vьrgo* > болг. *хвѣрғам*, а также **vьrk-/vьrk-* > болг. *вѣркам* ‘улетать, исчезать’ и *хвръквам*, *хвръкна* ‘полететь; пронестись, промелькнуть в воздухе’ [2, с. 53].

11. Диал. *хупóр* ‘холм’. В ЕСУМ: «Не совсем ясное; возможно, экспрессивное видоизменение синонимичного *бугóр*» [4 (6, с. 222)]. Предложим свое понимание генезиса слова как производного от **хуп* – фонетического варианта к диал. карп. *ховл* ‘холмик, горка’ (приведено по [4 (6, с. 191)]: к псл. **хь/rь*) с переходом *o* > *y* под влиянием *л* и слиянием нового дифтонга *yǔ* [иу] в *y*, как это имело место в диал. хмельн. *кубáня* ‘впадина, яма с водой’ [13] при имеющем более широкую географию *ковбáня* ‘то же’, ‘яма в реке, море’, ‘лужа’ и др. [4 (2, с. 480)]. Образование по модели с суфф. *-or-*, одной из функций которого было оформление слов со значением утолщения, выпуклости. Ср. псл. **bidъгы*/*bidogъ* ‘холм, горка, возвышенность’ [19 (3, с. 79)]. В принципе, может оказаться старым дериватом **хь/r-огъ*, учитывая редкость и архаичность суффикса.

12. Диал. полесск. *хурдѣпа* ‘неловкий человек большого роста’, *хурдѣписько* ‘то же’. Толкуется как экспрессивное образование, возможно, на основе слов *хурдá* ‘болезненная, паршивая овца’ и *дурѣпа* [4 (6, с. 223)]. Неубедительно. Скорее это форма с экспрессивной спирантизацией *k* > *x* к **курдупий*, ср. производное

курдупель ‘коротышка’ и особенно близкое по смыслу рус. диал. *курдупый* ‘с длинным туловищем и короткими ногами (о человеке)’ (~ ‘неловкий’), сводимые к псл. **kъrnodurъjъ* [19 (13, с. 232)]. К изменению анлаута ср. укр. диал. *холибáти* ‘шатать, колыхать’ < *колибáти* и пр. [4 (6, с. 195)]. Мена *ý* > *é* – результат давления морфологии слов с ударным суфф. -ел-, ср. *мазéпа* (< *мазати*), *дурéпа* (< **дур*, **дурий* ‘ветренный, глупый’). Стало быть, место *хурдéпа* в словарной статье укр. *курдупель* [4 (3, с. 152)] на правах его диалектного варианта.

13. Диал. *чепелець* (бот.) ‘*Ammophila arenaria* Roth.’. В ЕСУМ дается как «не совсем ясное; возможно, связано с *ча́полоть*» [4 (6, с. 279)]. В этом есть резон, т. к. и *чепелець*, и *ча́полоть* ‘*Hierochloe* R. Br.; куничник наземный, *Calamagrostis epigeios* (L.) Roth.’ с его диалектными формами закономерно восходят к вариантным псл. **šapolъtъ* [19 (4, с. 20); 4 (6, с. 280)] & **šapelъtъ*. Разбираемое *чепелець* (**чепелеть*) относится к редкому типу примеров развития группофонемы *teit* в восточнославянском не как *telot* или *tolot*, а как *telet*. Это не результат позднейшей перегласовки в говорах или второго полногласия (мы имеем корень с этимологическим **e*, а не **ь*), а следы древней диалектной вариантности в трактовке *teit* внутри восточнославянского ареала, ср. еще: **telpenъ/*telъnъ* > рус. диал., укр. диал. *тэлепéнь* ‘толстяк, увалень’, блр. диал. *целепéнь* ‘то же’; **telmenъ* > укр. *Телемень* – гидроним; **belbenъ* > укр. диал. *бэлебень* ‘возвышенное и открытое место’; **šelъnъ*, **šelъnъkъ* > рус. диал. *челено* ‘звено бревен в плоту’, укр. диал. *челенок* ‘в пальце: кость, сустав’; **želd-* > укр. *óжелéдь* ‘гололедица’ и др. При этом лексемы с *telet* – типичные фонетические архаизмы, сохраненные на языковой периферии, не затронутой велляризацией *l*, о чем нам уже

приходилось говорить. См.: ([7, с. 69–73; 9, с. 383–391]: с литературой).

14. Диал. *чэредень* ‘стебель, ствол’. В ЕСУМ делается уверенное заключение, что слово, очевидно, продолжает псл. **čerdьнь* (< и.-е. **ker-d-*), где **čerd-* осложнено адъективным суффиксом *-n-*; однако констатируется неясность мотивации ([4 (6, с. 301)]: с отсылкой к бот. *череда́* ‘*Bidens L.*’, ‘чернокорень лечебный’). Сомнительно. Скорее, **čerd-* – это разновидность (с е-вокализмом корня) к псл. **korda* > укр. гуцул. *корба́* ‘сильно сучковатое дерево’ (его возможный вариант с сельскохозяйственной терминологической семантикой – **skorda* ‘борона’) ~ и.-е. **(s)ker-d-* ‘резать’ (см. о них: [11, с. 55]).

15. Диал. *чикілдї́ха* ‘вид водки низкого качества’, *чихильдї́ха* ‘т. с.’. Толкуется как экспрессивное образование, связанное с рус. вульг. *чикалды́кнуть* ‘выпить (о спиртном)’, которое, возможно, происходит от тат. *шакылда* ‘стучать’, ср. семантическую аналогию в пол. *stuknąć sobie kieliszek gorzałki* ‘выпить’, букв. ‘стукнуть себе чарку водки’ [4 (6, с. 319)]. Однако рус. и укр. глаголы имеют вид типично славянских экспрессивных образований, аффективная специфика которых проистекает из вариативности их звуковой стороны, ср. наряду с укр. *чикілдї́ха*, *чихильдї́ха*, рус. *чикалды́кнуть* ещё и рус. простореч. *на-колды́риться* ‘напиться’ < ‘стукнуть’, а также диал. пск., влад. *колды́хнуть* ‘ударить; сильно стукнуть’ и олон. *колды́хать*, *колды́хнуть* ‘пить, напиваться пьяным’, *колды́бнуть*, 1911 г. ‘сильно ударить’ (?) и ‘выпить (вина, водки)’ [15 (14, с. 119)]. Все формы объединяет консонантная схема корня *к–л–д* и *х–л–д* с перебоем гласного *и : а : о*; анлаутный сегмент *чи-* выходит за её рамки, а потому является префиксом – разновидностью к *че-*, *ча-* (см. выше).

16. Диал. *чулі́нда* в поговорке «За добрим чоловіком і чулінда жінка. [...] а за дурним і попівна рабинька» [12, с. 174] в [4 (6, с. 353)]

сравнивается с блр. диал. *чу́лнда* ‘неопрятный’, ‘неуклюжий’ и признается неясным, а его значение не определяется (даётся как ‘?’). Неясность обусловлена несогласованностью в системе фактов, рассмотренных авторами ЕСУМ, из-за чего словообразовательно связанные единицы, разбросанные по разным томам, «тонут» в огромном, структурно пёстром фактаже и рассматриваются порознь. Определённо, восточнославянские диалектизмы являются независимыми десубстантивами с префиксом *че-* (его диал. фонетической разновидностью *чу-*) от *лúнда*, **лíнда*, *лында*, каковые обнаруживаются в полт. *лúнда* ‘ленивый, неопрятный человек’, рус. диал. *лы́нда* ‘лентяй, лодырь, повеса’ и др., которым в первом томе ЕСУМ посвящена специальная статья [4 (1, с. 235)]. К примерам преобразования приставки *че-* > *чу-* в белорусской диалектной речи ср. *чу́чырыпок* ‘слабый, болезненный человек’ < **че-череп-ок* (подробнее см.: [7, с. 84]). Семантика *чу́лнда* становится понятной, если внимательнее присмотреться к контексту, из которого следует, что «у хорошего мужа *жена не знает забот*, а у плохого работает, как рабыня, в поте лица». Иначе говоря, слово *чу́лнда* имело значение ‘женщина, живущая без забот, не обременённая хлопотами’, близкое к ‘лентяйка’, ‘ленивая женщина’ (~ ‘неопрятный’, ‘неуклюжий’), ср. выше семантику перечисленных слов.

17. Диал. херсон. стар. *чо́лла* ‘сделанная под углом к руке лопата для доставания соли из соляных озер’ толкуется как «Не совсем ясное; возможно, заимствование из турецкого языка, ср. тур. *çolpa* ‘неуклюжий, неудобный’» [4 (6, с. 340)]. Идеальное с фонетической стороны, это сближение все-таки выглядит натянутым в семантическом отношении, потому приходится от него отказаться, сочтя лексемы омонимичными. Диалектизм *чо́лла*, скорее, нужно сравнивать с укр. полт., н.-поднепр. *чалпа́* ‘большая ложка для

вытаскивания из кипятка вареников', которое в ЕСУМ также квалифицируется как «не совсем ясное» и неуверенно выводится из *чарпá ~ диал. чáрпати < черпáти 'черпать' [4 (6, с. 278)]. Словарные статьи, отведенные обеим лексемам в ЕСУМ, помещены в одном томе, но взаимные отсылки между ними отсутствуют, видимо, по причине того, что их возможная связь ускользнула от авторов словаря. Между тем, объединяющим семантическим признаком наших слов является не величина или форма обозначенных реалий, а их функция: они называют примитивное приспособление для вытаскивания («вычерпывания») вареников из кипятка и соли из озерной воды = ложка (большая и маленькая). Как нам представляется, в структурно-генетическом отношении чалпá и чóлпа продолжают псл. диал. *čьlpa – репрезентант и.-е. *(s)kelp- 'резать', 'колоть' в ступени редукции вокализма, ср. лат. scalpō, -ere 'царапать, скрести острым инструментом', 'резать', н.-в.-нем. диал. halb, helb 'ручка, рукоять', а также корневое с s-mobile гр. σκάλλω 'рою, копаю' и др. [Рокорну 923, 926]. В славянском слове представлена семантическая инновация на основе исходного 'резать' (или 'копать'): зачерпывание воды ложкой или лопатой воспринимается как её «срезание» или «копание», откуда образное употребление черпать = «срезать воду» (или «копать воду»). Аналогичную инновацию значения показывает псл. *čerpti 'черпать' при лат. carpō, -ere 'дергать, щипать, рвать', хетт. karp- 'брать, подымать, собирать' [19 (4, с. 71–72)]. Таким образом, *čьlpa 'черпалка' оказывается девербальным nomen instrumenti от утраченного *čьlрq, *čelpti, возможно, близкого по значению к *čьlрq, *čerpti.

С точки зрения истории звукового облика мы имеем независимое развитие двух диалектных форм одного слова *челпа (< *чьлпа): чóлпа с закономерным изменением е > о после шипящего, как в

человек > чоловік, и чалпá со столь же распространенным переходом е > а, как в черепáха и чарапáха; черóн и чарóн 'очаг; под печи' [4 (6, с. 303, 306)]. Касательно примеров сохранения л в новозакрытом слоге ср. диал. кóвгáнка 'деревянная ступка' и кулгáнка 'коробочка для соли (без крышки)'; ковдóбина и колдóбина 'выбоина' и пр. [4 (2, с. 481, 482)].

Выводы. Внимательное чтение лексикографических источников вообще (и в особенности этимологических словарей) как особый вид аналитического чтения имеет цель восстановить стёртые связи между разными лексическими кластерами и тем самым убедительно истолковать происхождение многих слов, прежде считавшихся изолированными, неясными, некорректно истолкованными. Даже небольшая лексическая выборка из реестра такого фундаментального научного справочника, как ЕСУМ, показывает очевидные праславянские архаизмы (*čapeltь, *čьpa, *glyxota, *xьlporь, *kьrнопeть, *molsnqti, *žaxnqti) и более поздние дериваты, образованные по древним словообразовательным моделям, сохранившим активность в ряде диалектов (вичекóвзнути, чикíлдíха, чулíндá). Точно так же опыт более близкого знакомства с содержанием словарных статей «Этимологического словаря украинского языка» учит, что в нём содержатся не распознанные ранее интересные в культурно-историческом отношении заимствования, относящиеся к лексике духовной и бытовой сфер древних восточных славян (иран. *gātra-/gāθra-, *kandī-gunyā (*kandi-γunyā), тюрк. sagsagan). А значит, дальнейшая работа с дефинициями ЕСУМ неизбежно выявит иные примеры указанных типов, что позволит существенно сократить количество «белых пятен» в его корпусе и пополнить его ранее не учтенной лексикой, уже получившей этимологическое решение.

Литература:

1. Абаев, В. И. (1958–1989). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Москва, Ленинград, Изд-во АН СССР, Наука, Т. I–IV.
2. Варбот, Ж. Ж. (1994). К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. II (прилагательные с корнем **vь/ьrk-*; рус. *сверкать*). *Этимология. 1991-1993*. Москва, Наука, 53–57.
3. Герценберг Л. Г. (1972). *Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках*. Ленинград, Наука.
4. *Етимологічний словник української мови*, 1982–2012 (за ред. О. С. Мельничука). Київ, Наукова думка, Т. 1–6.
5. Ефименко, П. (1874). *Сборник малороссийских заклинаний*. Москва, Университетская типография.
6. Іліади, О. І. (2002). Лексичний коментар до деяких нижньонаддніпряньських діалектизмів. *Лінгвістичні студії*. Вип. 10, 189–193.
7. Илиади, А. И. (2005). *Основы славянской этимологии*. Киев, Довіра.
8. Илиади, А. И. (2013). Этимологические заметки по славянской лексике. 54–56. *Studia Slavistica*. Вип. 13: *Сучасні тенденції славістики*. Ужгород : Вид-во Олександрії Гаркуші, 35–40.
9. Илиади, А. И. (2015). Этимологический комментарий к нескольким славянским изоглоссам в труде А. А. Шахматова «К истории звуков русского языка». *Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого*. Санкт-Петербург, Нестор-История, 383–392.
10. Илиади, А. И. (2017). Праславянские архаизмы в словаре украинских говоров Нижнего Поднепровья (этимологические заметки). *Studia semasiologica*. Кіровоград, РВВ ЦДПУ ім. В. Винниченка, 26–45.

11. Меркулова, В. А. (1975). Украинские этимологии. *Этимология*. 1973. Москва : Наука, 55–60.
12. Номис, М. (1864). *Українські приказки, прислів'я і таке інше*. Санкт-Петербург, Друк. Тиблена і комп. И. Куліша.
13. *Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины*. Киев.
14. Расторгуева, В. С., Эдельман Д. И. (2000–2015). *Этимологический словарь иранских языков*. Москва, Восточная литература, Т. 1–5.
15. *Словарь русских народных говоров, 1965–2016* (под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова). Ленинград, Наука, Вып. 1–51.
16. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка*, 2006 (отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо). Москва, Наука.
17. Чабаненко, В. А. (1992). *Словник говірок Нижньої Наддніпряни*. Запоріжжя, ЗДУ, Т. I–IV.
18. Шапошников, А. К. (1996). *Хазарский язык. Книга памяти: исчезнувшие языки России и сопредельных стран. Энциклопедический словарь-справочник* (глав. ред. В. П. Нерознак). Москва, Academia [Эл. ресурс]: https://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/AI_Shaposhnikov_Qasar.pdf].
19. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд, 1974–2018* (под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева). Москва : Наука, Вып. 1–41.
20. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»*. Выпуск седьмой, 2003. Москва : Восточная литература РАН.

References:

1. Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-ètimologicheskii slovar' osetinskogo âzyka* [Historic-Etymological Dictionary of Ossetian Language]. Moskva, Leningrad, T. I–IV [in Russian].
2. Varbot, J. J. (1994). K ètimologii slav'anskikh prilagatel'nykh so znacheniem 'bystry'. II (prilagatel'nye s kornem *vь/ьrk-; rus. *сверкать*) [On Etymology of Slavonic adjectives with meaning 'fast'. II (adjectives with the root *vь/ьrk-; russ. *сверкать*)]. *Ètimologia* [Etymology]. 1991-1993. Moskva : Nauka, 53–57 [in Russian].
3. Gertsenberg, L. G. (1972). *Morfologicheskaya structura slova v drevnikh indoiranskikh âzykakh* [Morphological Structure of Word in Ancient Indo-Iranian Languages]. Leningrad, Nauka [in Russian].
4. *Etymologichnyi slovník ukraïns'koyi movy*, 1982–2012 (za red. O. S. Mel'nychuka) [An Etymological Dictionary Of The Ukrainian Language]. Kiyiv : Naukova dumka, T. 1–6. [in Ukrainian].
5. Èfimenko, P. (1874). *Sbornik malorossiyskikh zaklinaniy* [The collection of incantations]. Moskva, Universitetskaya tipografia [in Russian].
6. Iliadi, A. I. (2002). Leksychny komentar do deâkykh nyzhn'onaddnipr'ans'kykh dialektyzmiv [Lexical Commentary on some Low Dnieper River Dialectal Words]. *Linhvistychni studiyi* [Linguistic studies], Вип. 10, 189–193 [in Ukrainian].
7. Iliadi, A. I. (2005). *Osnovy slav'anskoy ètimologii* [The Basics of Slavonic Etymology]. Kiev, Dovira [in Russian].
8. Iliadi, A. I. (2013). Ètimologicheskie zametki po slav'anskoy leksike. 54–56 [Etymological Notes on Slavonic Vocabulary. 54–56]. *Studia Slavistica. Vyp. 13: Suchasni tendentsiyi slavistyky* [Modern Trends of Slavistics]. Uzhgorod, Vyd-vo Oleksandry Harkushi, 35–40 [in Russian].
9. Iliadi, A. I. (2015). Ètimologicheskii kommentariy k neskol'kim slav'anskim izoglossam v trude A. A. Shakhmatova «K istorii zvukov russkogo âzyka» [An Etymological Commentary on some Slavonic

- Isoglosses in the work by A. A. Shakhmatov «On the History of sounds of Russian Language». *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A. A. Shakhmatov: life, creation, scientific heritage]. Sankt-Peterburg, Nestor-Istoria, 383–392 [in Russian].
10. Iliadi, A. I. (2017). Praslav'anskie arkhazmy v slovare ukrainskikh govorov Nizhnego Podneprovia (ètimologicheskie zametki) [Proto-Slavonic Archaisms in the Vocabulary of Ukrainian Dialects of Low Dnieper River (Etymological Notes)]. *Studia semasiologica*. Kirovograd, RVV CDPU im. V. Vynnychenka, 26–45 [in Russian].
11. Merkulova, V. A. (1975). Ukrainskie etimologii [Ukrainian Etymologies]. *Этимология* [Etymology]. 1973. Moskva, Nauka, 55–60 [in Russian].
12. Nomis, M. (1864). *Ukrayins'ki prykazky, pryslivya i take inshe* [Ukrainian proverbs, sayings and other]. Sankt-Peterburg, Druk. Tiblena i komp. I. Kulisha [in Ukrainian].
13. *Onomasticheskiy arkhiv Instituta ukrainskogo yazyka NAN Ukrainy* [Onomastic archive of NASU Institute of Ukrainian Language]. Kiev. [in Ukrainian].
14. Rastorgueva, V. S., Èdel'man J. I. (2000–2015). *Ètimologicheskiiy slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. M. : Vostochnaya literatura, T. I–V [in Russian].
15. *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1965–2018 (pod red. F. P. Filina i F. P. Sorokoletova)* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka, Vyp. 1–51 [in Russian].
16. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika t'urkskikh yazykov. Prat'urkskiy yazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo ètnosa po dannym yazyka, 2006 (otv. red. È. R. Tenishev, A. V. Dybo)* [Comparative Grammar of Turkic Languages. The Proto-Turkic basic language. The World Picture of the Proto-Turkic ethnos (by language data)]. Moskva, Nauka [in Russian].

17. Chabanenko, V. A. (1992). *Slovnyk hovirok Nyzhn'oyi Naddnopr'anshchyny* [The Dictionary of Low Dnieper River Dialects]. Zaporizhzh'a, ZDU, T. I–IV [in Ukrainian].
18. Shaposhnikov, A. K. (1996). Khazarskiy yazyk [Khazar language]. *Kniga pam'ati: ischeznuvshie yazyki Rossii i sopredel'nykh stran. Èntsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* (glav. red. V. P. Neroznak) [Memory book: Extinct languages of Russia and neighbouring countries. Encyclopedic Dictionary (editor-in-chief V. P. Neroznak)]. Moskva, Academia [Digital resource] https://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/AI_Shaposhnikov_Qasar.pdf].
19. *Ètimologicheskiy slovar' slav'anskikh yazykov: Praslavianskiy leksicheskiy fond, 1974–2018* (pod red. O. N. Trubacheva i A. F. Zhuravleva) [An Etymological Dictionary of the Slavonic Languages, Proto-Slavonic lexical stratum]. Moskva : Nauka, Vyp. 1–41 [in Russian].
20. *Ètimologicheskiy slovar' t'urkskikh yazykov. Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy «L», «M», «N», «P», «S»*. Vypusk sed'moy, 2003 [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moskva, Vostochnaya literatura RAN [in Russian].